

ПЕТЕР ЦАПФФЕ

О ТРАГИЧЕСКОМ

ТОМ 1

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 1:159.9
ББК 88.3
Ц17

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с норвежского — Владислав Педдер.

Цапффе, П.

Ц17 О трагическом. Том 1. — М.: Тотенбург, 2025. — 358 с.

Первый том фундаментального труда Петера Весселя Цапффе «О трагическом» исследует природу трагического как онтологическую основу человеческого существования. Автор выводит анализ за рамки эстетических и литературных категорий, рассматривая трагическое как фундаментальное свойство бытия, порожденное противоречием между человеческими устремлениями и индифферентностью природы. Развивая концепции, изложенные в эссе «Последний мессия», а также опираясь на биологические, психологические и философские исследования, Цапффе демонстрирует, как развитие сознания и самосознания неизбежно приводит к осознанию трагической природы существования, обнажая уязвимость человека перед лицом экзистенциальных катастроф.

УДК 1:159.9
ББК 88.3

© Владислав Педдер,
перевод с норвежского, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	
К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	
ЯНА БРАГЕ ГАНДЕРСЕНА	10
ПЕРВАЯ ГЛАВА ВВЕДЕНИЕ	17
§ 1. Цель и метод	17
§ 2. Опасения.....	25
ВТОРАЯ ГЛАВА	
БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ	29
§ 3. Индивид и окружающий мир	29
§ 4. Основные черты жизни индивида.....	31
§ 5. Схема Иксюля	45
§ 6. Конфликт.....	48
§ 7. Мораль. Терминология	50
§ 8. Способности. Избыток и недостаток.....	56
ТРЕТЬЯ ГЛАВА	
ПРИМИТИВНОСТЬ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ	66
§ 9. Протоплазма.....	66
§ 10. Примитивность человека	69
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА	
ГРАНИЦЫ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА	77
§ 11. Биологическая сфера интересов.....	77
§ 12. Социальная сфера интересов.....	78
§ 13. Автотелический интерес.....	89
§ 14. Метафизический интерес.....	95
§ 15. Многонаправленные интересы.....	106

ПЯТАЯ ГЛАВА

О ПЕРЕОСНАЩЕНИИ

И НЕУСТОЙЧИВОСТИ ЧЕЛОВЕКА	117
§ 16. Характер	117
§ 17. Избыточность. Общие замечания	121
§ 18. Физическая сила	125
§ 19. Ощущение	125
§ 20. Интеллект	136
§ 21. Память	141
§ 22. Фантазия	142
§ 23. Чувство	145
§ 24. Другие способности	147
§ 25. Комбинации	148
§ 26. Еще о характере и личности	158
§ 27. Пример	161
§ 28. «Метафизически-меланхолическое восприятие»	165
§ 29. Комментарий	172
§ 30. Вариации в метафизической предрасположенности	178
§ 31. Метафизико-нравственные сомнения	182
§ 32. Испытуемый проходит через испытание	187
§ 33. Психопатологическая точка зрения	193
§ 34. Патологические формы и их культурное значение	197
§ 35. Понятие культуры	199
§ 36. Аномальное	202
§ 37. Психиатрия и культура	205
§ 38. Культурно-патологический парадокс	210
§ 39. Комментарий	215
§ 40. Заключение Бирнбаума	219
§ 41. Другие авторы	222
§ 42. Комментарий. Собственные выводы	227
§ 43. Параллели из животного мира	229

ШЕСТАЯ ГЛАВА

РЕАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ И СУРРОГАТЫ	234
§ 44. Вступление	234
§ 45. Реальные и псевдорешения. Понятия	235
§ 46. Позиция суррогата.....	237
§ 47. Реальное решение, связанное с дефицитом в целом (1a).....	241
§ 48. Дефицит. Суррогатные решение (1b)	242
§ 49. Избыточное состояние. Реальное решение (2a).....	246
§ 50. Недостаточная фиксированность (3)	248
§ 51. Чрезмерная фиксированность и ошибочная фиксированность (4)	262
§ 52. Первый пример	264
§ 53. Второй пример	265
§ 54. Третий пример	274
§ 55. Четвертый пример	284
§ 56. Образ опыта	290
§ 57. Образ желания	291
§ 58. Рабочий образ	309
§ 59. Метафизическая мораль.....	317
§ 60. Пятый пример	344

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ

Имя Петера Весселя Цапффе (1899–1990) десятилетиями оставалось *terra incognita* за пределами Норвегии. Даже в европейском интеллектуальном пространстве его тексты, написанные на архаичном датско-норвежском языке *riksmål*, воспринимались как феномен, что во многом объяснялось как лингвистической сложностью его творчества, так и неприятием его радикального гуманизма и экоактивизма академическим сообществом.

Ситуация изменилась лишь в 2004 году, когда эссе «Последний мессия» впервые появилось на английском языке благодаря переводу Гисле Р. Тангнеса в журнале *Philosophy Now*, выпуск № 45. И это при том, что оригинальный текст вышел в журнале *Janus*, № 9, в 1933 году.

Российский читатель смог познакомиться с Цапффе только в 2014 году благодаря переводу Антона Тимохина, опубликованному в сборнике «МАНИФЕСТ».

Однако по-настоящему широкую известность за пределами Норвегии Цапффе приобрел лишь после издания эссе «Заговор против человеческой расы» Томаса Лиготти в 2010 году. В нем Лиготти, известный своими готическими и фантастическими рассказами в жанре ужасов, берет за основу «Последнего мессию» Цапффе и, в свойственной ему мрачной и ужасающей стилистике, обрамляет его идеи в эстетике ужаса.

Российский читатель смог познакомиться с «Заговором» Томаса Лиготти лишь в 2018 году — благодаря усилиям энтузиаста под ником *revliscap*, который опубликовал в *LiveJournal* свой перевод. Официального издания и перевода «Заговора против человеческой расы»

до сих пор не существует. Именно так и я начал свое знакомство с Петером Цапффе.

Лишь к 2024 году Райан Л. Шоулер перевел главный труд Цапффе — «О трагическом» — на английский язык. Одновременно с ним и я переводил эту жемчужину философии Цапффе. К декабрю 2024 года был готов и мой перевод на русский язык, за который я брался по причине того, что боялся, что в силу малоизвестности автора, объема и сложности текста еще пару лет, а может и десятилетие, не увидать перевода на русский язык. В дальнейшем я дорабатывал свой перевод, соотнося его с версией Райана Шоулера, по этой причине в данном издании вы увидите как предисловия, написанные для норвежского издания (Яна Гандерсена и самого автора, которых не увидать в переводе Райана Шоулера), так и предисловия, написанные специально для английского издания. Работа Райана Шоулера, как и усилия издательства *Peter Lang*, нуждаются в отдельной благодарности.

Однако судьба моего перевода была бы сопоставима с судьбой «Заговора против человеческой расы», если бы не рискованное для любого издательства решение «Тотенбурга» — издать «О трагическом», да еще и в полном объеме. Результат проделанной работы вы держите сейчас перед собой.

Это первая попытка обратить внимание российского читателя к норвежской мысли и творчеству Петера Цапффе, которое на сегодняшний день насчитывает десять томов в норвежском издании *Pax Forlag*, отдельные интервью, диалоги, а также несколько книг о самом Цапффе и его наследии — от Йоргена Хааве, Дага О. Хессена, Сильвии Серафимовой, а также моего авторства.

Цапффе — это фигура, чье наследие не поддается однозначной классификации. Юрист по образованию, альпинист-первопроходец (город Тромсё почтил его память, назвав в его честь гору), он создавал тексты, балансирующие на грани философии, поэзии и эссеистики. Его

главный труд, «О трагическом» (1941), написанный в оккупированной Норвегии, внешне игнорирует исторический контекст, фокусируясь на онтологической катастрофе человеческого существования. Однако именно этот вневременной подход делает работу универсальной: Цапффе исследует не конкретные трагедии, но трагическое как антропологическую константу.

Ключ к пониманию трактата лежит в более раннем эссе Цапффе — «Последний мессия» (1933), где впервые формулируется его центральная теория. Этот текст можно назвать «прологом», где вводится тезис о человеке как «биологическом абсурде» — виде, чье гипертрофированное сознание превратило эволюционное преимущество в проклятие. «Последний мессия» описывает четыре защитных механизма (изоляция, якорение, отвлечение, сублимация), позволяющих человечеству, по мнению Цапффе, избегать экзистенциального ужаса. Цапффе демонстрирует, как культура, религия и даже наука становятся инструментами «экзистенциального подавления», маскирующими онтологическую несостоятельность разума человека.

Уникальность «О трагическом» — в синтезе биологического детерминизма и экзистенциального анализа. Цапффе, отвергая метафизические спекуляции, трактует трагическое не как философскую категорию, а как эволюционный феномен. Его метод, предвосхищающий позднейшие работы Дэвида Бенатара и Томаса Лиготти, опирается на дарвиновские принципы, но радикализирует их: если природа «безразлична», то сознание — ее роковая ошибка. Альпинизм, которым всю жизнь занимался Цапффе, словно метафора: восхождение человека к «прогрессу» есть движение к краю пропасти, где иллюзия контроля исчезает и обнажает «экзистенциальную пустоту».

Параллели рассуждений Цапффе можно неожиданно найти в «Исповеди» (1879) Льва Толстого, который описывает схожие механизмы бегства от экзистенциального ужаса — «отвлечение» через труд, семейные заботы или

служение другим, а также «якорение» в религиозной вере — которые почти идентичны тем, что позднее изложит Петер Вессель Цапффе. Однако между ними пролегает фундаментальный разрыв. Если для Толстого религия становится подлинным спасением от внутренней пустоты и страха смерти, то Цапффе, напротив, отвергает любые формы метафизического утешения как разновидности самообмана, пусть и, по его собственному признанию, необходимого. Этот разрыв отражает не только личные мировоззренческие различия, но и более широкий культурный переход — от идеализма модерна XIX века к экзистенциальному пессимизму постмодернизма XX столетия.

Следует, однако, отметить, что научная база, на которой Цапффе строил свои выводы, отчасти устарела. Концепция *Umwelt* Якоба фон Юкскюля и психоаналитические идеи Фрейда, оказавшие значительное влияние на Цапффе, в значительной мере подверглись критике и пересмотру. Современная биология и когнитивные науки подчеркивают пластичность восприятия, активную роль организма в формировании среды, а не только его детерминацию ею. Тем не менее философская значимость Цапффе не сводится к прочности его эмпирических оснований. Она заключается прежде всего в беспощадности его анализа человеческого существования и в способности заострить те вопросы, которые продолжают оставаться неразрешенными.

Именно эта безжалостная честность делает его размышления актуальными и сегодня, когда старые нарративы о предназначении человека утратили свою убеждающую силу, а новых попросту не существует. Цапффе, в отличие от религиозного морализма или секулярного оптимизма, не предлагает утешения. Он возвращает нас к пределам мышления, за которыми начинается трагическое как форма осознания, не требующая оправданий.

Владислав Педдер

ПРЕДИСЛОВИЕ ЯНА БРАГЕ ГАНДЕРСЕНА

«О трагическом» — докторская диссертация Питера В. Цапффе, написанная в 1941 году. Это результат 11-летней работы, которую Цапффе начал после того, как оставил должность заместителя судьи в Тромсё и возобновил учебу в Университете Осло. Имея юридическое образование, он решил посвятить себя литературоведению. «О трагическом» планировалось написать в качестве магистерской диссертации по этому предмету. Цапффе связался с профессором Фредриком Пааше, который порекомендовал ему представить работу на рассмотрение для получения докторской степени по философии.

Диссертация была опубликована в издательстве *Gyldendal* и напечатана небольшим тиражом. Время для публикации трактата о трагическом едва ли могло быть менее благоприятным. Было продано всего несколько экземпляров, но зато те, что остались, теперь достигают очень высокой стоимости в антикварных магазинах. В 1968 году отрывки из этой трагедии были опубликованы в книге Петера Весселя Цапффе под редакцией Гуторма Флюистада, нынешнего профессора истории идей в Университете Осло. В книгу также вошли философское эссе «Последний мессия», стихотворение «Колыбельная» и рассказ «История свечи».

Литературное творчество Цапффе обширно и варьируется от таких жанров художественной литературы, как поэзия и драма, до научной литературы философского и эссеистического характера. Одно из самых известных его произведений — «Блудный сын: Драматический пересказ» (1951), «Введение в литературную драматур-

гию» (1961) и «Логическая песочница» (1965). В 1967 году был опубликован сборник эссе и посланий, составленный Зигмундом Хофтуном и Бернтом Вестре. В 1970 году, в соавторстве с фр. Кристиансенем и Гуттормом Флюистадом, был опубликован сборник статей, посвященных различным аспектам творчества Цапффе. Авторами, помимо Кристиансена и Флюистада, были Зигмунд Квалой и Арне Несс. В этом издании также представлен девятый раздел «О трагическом», полностью посвященный автотелическому¹ восприятию трагического.

Вряд ли можно сомневаться, что именно «О трагическом» является краеугольным камнем творчества Цапффе, по крайней мере как это представляется нам сегодня. Знакомство с этой работой является необходимым условием для того, чтобы составить обоснованное мнение о Цапффе как о философе и писателе. Нет также сомнений, что Цапффе принадлежит к числу редчайших оригинальных философских мыслителей, которых знала Норвегия. Уже по этой причине это произведение должно периодически переиздаваться, чтобы у молодого поколения была возможность с ним ознакомиться (так же, как лучшие художественные произведения наших авторов время

¹ В данном контексте термины «автотеличные» и «гетеротеличные» относятся к различным видам мотивации и целей.

1. **Автотеличные (autotelic):** Относятся к действиям, которые имеют цель в самих себе. Человек выполняет такие действия не ради какой-то внешней цели или результата, а ради самого процесса, потому что это приносит удовольствие, удовлетворение или смысл само по себе. Например, человек может заниматься искусством или наукой не ради награды или признания, а потому что сам процесс творчества или исследования приносит ему радость и удовлетворение.

2. **Гетеротеличные (heterotelic):** Относятся к действиям, которые направлены на достижение внешних целей или результатов. В этом случае действия выполняются не ради них самих, а ради достижения определенного внешнего результата, который рассматривается как ценность. Например, человек может работать ради зарплаты или признания, то есть внешней цели, которая не связана с самим процессом работы.

В тексте, когда упоминаются автотеличные и гетеротеличные мотивы, речь идет о различии между действиями, направленными на внутреннее удовлетворение (автотеличные), и теми, которые мотивированы внешними целями или результатами (гетеротеличные). — *Прим. пер.*

от времени переиздаются). Цапффе легко можно поставить в один ряд с ними, в том числе и по той причине, что о трагическом написано стильным и легким языком, который настолько тонкий и забавный и настолько четко сформулирован, что книга может быть легко прочитана людьми, не имеющими профессиональных философских предпосылок. Это может отчасти объяснить популярность Цапффе за пределами профессионального философского круга и среди молодежи.

«О трагическом» Петера Весселя Цапффе — это произведение, которое заслуживает нового прочтения. Сравнивая различие в реакциях на книгу в момент ее первого издания и после публикации отрывков в Рах 27 лет спустя, можно увидеть, что это произведение не так просто поддается исчерпывающему описанию и что оно способно вдохновлять на все новые размышления.

В этом новом издании краткое содержание книги переведено на английский язык, чтобы облегчить ее распространение в зарубежных библиотеках².

Осло, июнь 1983

Я. Б. Г.

² В норвежском издании с данным примечанием был вложен перевод содержания на английский язык. — *Прим. пер.*

*В заключение этого труда я прежде всего хочу выразить
благодарность своим родителям, благодаря которым стало
практически возможным сосредоточиться на работе.
Я также благодарю профессоров Фредрика Пааше и А. Х. Винсна
за их доброжелательный интерес и ценные советы
и, наконец, профессора Арне Нэсса за его беспощадные
и отрезвляющие замечания.*

*Книга, за исключением пары сносок,
была написана до 9 апреля 1940 года.*

*Почему должен был произойти раскол?
Я так и не нашел ответа
на этот вопрос, и не удалось найти никого,
кто бы серьезно задавал этот вопрос.*

Хеббель

ПЕРВАЯ ГЛАВА

ВВЕДЕНИЕ

§ I. Цель и метод

С давних пор считается хорошей традицией начинать исследование с разъяснения его цели и метода. Цель заключается, вкратце, в том, чтобы внести вклад в понимание трагического. Метод же я постараюсь определить, когда цель будет уточнена.

Что же я имею в виду под «трагическим»? Можно ли сомневаться в его значении или это одно из тех понятий, которые обладают более или менее однозначным содержанием для всех людей во все времена, подобно, например, понятию «опасное»? Конечно, невозможно охватить одним взглядом всю историю теоретического осмысления данного понятия в Европе за последние 2200 лет, но если бы это было возможно, то стало бы очевидно, что сомнения касаются не только его содержания — по правде говоря, существует примерно столько же определений «трагического», сколько самих авторов, писавших об этом.

Так что же мне делать: присоединиться ли к одному из древних мыслителей или, быть может, объединить несколько ранних концепций? Следует ли мне найти компромиссный вариант или предложить нечто совершенно новое? Или же, напротив, мне вовсе не следует иметь заранее сложившегося мнения, рассматривая своей задачей независимым путем определить адекватное место этого понятия, постепенно приближаясь к истине и устраняя источники ошибок?

Предположим, что именно эта последняя задача стоит перед нами. С чего же тогда следует начать?

Не рискуем ли мы тем самым сделать предпосылкой именно то определение, к которому надеемся прийти? Если мы подходим к вопросу абсолютно свободно, то как вообще можно найти отправную точку? Ведь невозможно раскинуть сеть по всей Вселенной, а затем понемногу убирать из нее все, что несомненно не является трагическим, тем самым определяя оставшееся исключительно негативным образом: «это трагично, потому что все остальное трагичным не является, а какое-то содержание у этого выражения непременно должно быть». Нам следует выяснить, что представляет собой это «что-то».

С чего же нам начать? Принадлежит ли рассматриваемая тема к эстетике, метафизике, психологии, драматургии, этике или естественным наукам? А может быть, даже к психиатрии, социологии или истории литературы? Среди античных авторов представлены все эти различные подходы. Если же не существует ни единого признака, который объединял бы все эти разрозненные представления, то остается ли нам что-то еще, кроме как просто наслаждаться атмосферой, пока искры надежды не угаснут?

Прежде всего существуют все реально имеющиеся трагедии. Значит ли это, что «трагедия» — это однозначное понятие? Может ли слово означать что-либо, кроме драматического произведения с трагическим развитием событий? Если нет, то мы не продвинулись ни на шаг. А если оно может означать что-то еще — например, литературную категорию, — то это не приближает нас к пониманию трагического, даже если мы уловили суть трагедии.

Тогда остается этимология. Каково первоначальное значение этого слова? *Tragos* — козел, *tragodia* — козлиная песнь. Однако трудно услышать эту «козлиную песнь» в *Прометее*, *Гамлете*, *Книге Иова*...

А как насчет общего языкового употребления? Слово «трагический» встречается ежедневно — в газетах

и разговорах, в шутках и всерьез. «Цыганская драка с трагическим исходом». «Не воспринимай эту оборванку так трагично». Значит, все эти люди что-то под этим понимают, и в этом понимании должно быть что-то общее, раз они, по-видимому, понимают друг друга.

Я рассылаю двадцати своим знакомым анкету с вопросами: «Что вы понимаете под словом "трагический"? Назовите несколько примеров» и так далее. В ответ я получаю поток синонимов: довольно печальный, мучительный, горестный, высшая степень грусти, почти несчастный, нечто, над чем нельзя смеяться, роковой, печальный с драматическим характером, скорбный, связанный с грехом, грусть на серьезной основе, но одновременно величественная, мощная, притягательная и обладающая определенным нарастанием, крушение наших самых сокровенных интересов, невосполнимый ущерб, нечто вырванное из жизни, страдание, безысходность, которую невозможно предотвратить, скорбь и тоска, противоположность комического, грандиозное бедствие, несчастный случай, безграничное отчаяние, бессмысленное зло, несправедливое наказание, полное уничтожение, возвышенная скорбь, боль, вынесенная с гордостью, страдание великой личности, когда добродетель вознаграждается неблагодарностью, когда ждешь чего-то лучшего, когда нет утешительных обстоятельств, когда несчастья можно было бы избежать. Среди примеров упоминаются война, потеря кормильца, крушение иллюзий, всмятку сваренное яйцо на новом костюме и так далее.

Таким образом, недостатка в толкованиях у нас нет — но к кому же нам прислушиваться? Ведь все эти люди умны и образованны. Что теперь? Разослать еще больше анкет и определить результат простым большинством голосов или, может быть, тремя четвертями? Все равно ситуация выглядит довольно мрачной.

Однако я бы не говорил обо всем этом с такой откровенностью, если бы не оставалась хотя бы крошечная надежда. Действительно ли между теоретиками и обычными носителями языка нет абсолютно никакой общей предпосылки? Даже такой, что нечто *трагическое* все же существует? Нет, в этом нельзя быть уверенным. Напротив, подавляющее большинство ясно осознает, что слово *трагический* имеет центральное значение, что есть нечто, требующее именно этого слова и никакого другого, и что оно должно обозначать именно это нечто, а не что-либо иное. Везде обнаруживается потребность в слове *трагический* и стремление обозначить им особое и характерное качество. Никто еще не выступал с утверждением, что это выражение избыточно и что его смысл можно столь же успешно передать другими прилагательными, не создавая при этом никаких проблем.

Нет ничего удивительного в том, что явления, обозначаемые этим словом, никогда не были раскрыты так, чтобы убедить всех и навсегда прекратить дискуссии. Понятие может изменяться от эпохи к эпохе, от человека к человеку, и все же в ассоциациях, которые оно вызывает, в непосредственном «ощущении» трагического как реальности может существовать нечто общее. Но где искать этот «общий знаменатель» столь многообразных факторов, ту «точку пересечения», где сходятся различные взгляды? Мы находим ее, если достаточно широко раздвинем границы исследования, — в самом человеке.

Даже самый «возвышенный» из теоретиков-спекулянтов, видящий в трагическом нечто вроде «освобождения идеи от конечного» или тому подобное, не станет отрицать, что трагическое, независимо от его возможного метафизического смысла, — это сторона человеческой судьбы, проявляющаяся в борьбе за ценности. Оно не существует в отвлеченных категориях вроде «идеи» и «ог-

раничения», но обретает конкретную форму в столкновениях между «я» и природой, «я» и богом, между личностями, между несовместимыми силами внутри одного сознания. Ни у одного автора или носителя языка мне не удалось найти попытки оторвать трагическое от сферы человеческих интересов, а точнее — от той ее части, которая окрашена в тона поражения и гибели.

Если нам кажется, что мы, наконец, оказались на более твердой почве, то эта уверенность вскоре ослабляется осознанием того, что «эстетически» ориентированные авторы искали трагическое исключительно в театре — в написанной или поставленной трагедии, в драматическом ряде событий, рожденном творческим воображением или переосмысленном поэтическим гением, но не в жизни за пределами сцены, которая не способна воспроизвести его с той же «степенью чистоты». Зритель, будучи практически настроенным, не способен наслаждаться «эстетической» стороной происходящего, а следовательно, трагическое исчезает из самого хода событий, поскольку оно принадлежит к сфере эстетики. Тем не менее даже эти исследователи пытаются установить условия, при которых возможно возникновение «трагико-эстетического» переживания в театре, и таким образом вынуждены обсуждать также динамику и факторы, лежащие в основе этого опыта, а именно — столкновение практических интересов и отношение персонажей к происходящему.

Тем не менее предмет исследования оказывается разделен на две части: с одной стороны — структура трагического явления, то, что я, не вкладывая в это особого смысла, назову «объективно» трагическим, и с другой — его своеобразное воздействие на зрителя, как в реальной жизни, так и в литературе и театре. Многие авторы исходили из заранее данной трагической-эстетической эмоции

и на ее основе определяли «объективно трагическое». В этом случае трудность состоит в том, чтобы обосновать, почему именно эта художественная эмоция является «трагической». Некоторые, не находя иного выхода, обращаются к природе самого объективного явления — и тем самым круг замыкается.

Поэтому надежнее всего вначале искать путь к объективно трагическому, не заботясь о его воздействии на сознание. Тем самым определяется и метод: он не будет ни метафизическим, ни эстетическим, ни каким-либо иным, а только биологическим. Возможно, правильнее было бы сказать «биологистическим», а еще заманчивее — «биософским», то есть «мышлением о жизни». Но этот термин несет в себе оттенок мистицизма, который здесь неуместен, и если более привычное слово «биологический» будет специально определено для целей данного исследования, то оно вполне справится со своей задачей: рассматривая жизнь как напряжение между задачей и возможностью, как борьбу организмов за реализацию своих интересов в окружающей их среде, мы применяем биологический метод, основанный на биологическом взгляде на вещи. В центре этого подхода стоит понятие интереса — именно вокруг него вращается вся аргументация.

Я не могу на данном этапе привести строгого доказательства продуктивности этого подхода в решении поставленной задачи. Это риск, на который я иду, предполагая, что с помощью выбранного метода можно разложить пеструю ткань жизни так, чтобы элементы трагического стали видимыми. Мне удобнее работать в этом аспекте, а не в каком-либо ином, и пусть результат либо подтвердит его состоятельность, либо нет. Мне кажется, что предложенный метод открывает возможности для сближения теории трагического с точным научным исследованием — пусть пока лишь на первой стадии, но даже

в этом есть настоятельная необходимость. Этот метод не исключает внесения метафизических интерпретаций на любом этапе, если кто-то захочет их применить; он не подразумевает никаких определенных представлений о происхождении жизни и о ее высшей цели (или отсутствии таковой), а работает исключительно с понятием борьбы за существование в том виде, в каком она предстает для каждого отдельного живого существа.

Общий ход исследования будет следующим: прежде всего, с особым вниманием к главной теме, я попытаюсь выявить определенные фундаментальные условия органической жизни и ее существования в земной среде. Тем самым будет проведено первичное ограничение материала. Затем, в рамках органической жизни в целом, я выделю человека, пытаюсь понять (в самых общих чертах и только с нашей собственной точки зрения), что сближает его с другими живыми существами в растительном и животном мире, а что отделяет его от них.

Обзор типов катастроф среди животных и людей, согласно нашему замыслу, должен привести нас к самому центру обсуждаемых вопросов. Главное, что я надеюсь выяснить этим путем, — следует ли пока еще гипотетическое трагическое явление связывать с органической жизнью в целом, с человеческим существованием как таковым, с определенными категориями людей, с индивидуальными человеческими судьбами или лишь с редкими совпадениями и стечениями обстоятельств. Одновременно станет ясно, возможно ли удержать единое понятие «трагического» в биологическом аспекте или же оно распадется на частные случаи. Ни одна из возможностей, находящихся в пределах действия метода, не будет отвергнута заранее.

Наименее обнадеживающим исходом было бы, если бы мы лишь установили, как сам предмет исследова-

ния соотносится с применяемым методом. Если, несмотря на все усилия, нам не удастся ухватить саму суть трагического явления, если выяснится, что, например, субъективные оценки оказываются решающими в конечном итоге, нам останется лишь смириться с этим результатом и найти слабое утешение в том, что хотя бы удалось установить предупреждающий знак для тех, кто окажется перед теми же развилками. Но пока и заманчивые, и разочаровывающие выводы остаются столь же далекими, как и сейчас, мы приступаем к работе с новыми силами, сосредоточив внимание прежде всего на тех инструментах, которые необходимо подготовить.

Основной вопрос самого исследования мы поднимать не будем — это задача других: защищать «научность» работы в целом от, например, эпистемологической критики. Когда нужно забить гвоздь, я использую молоток таким, как он есть; не время вести теоретические рассуждения о конструкции инструмента. Одни методы считаются более надежными, чем другие; в настоящее время, например, высоко ценится экспериментальная психология. Есть даже исследователи, которые считают, что наибольшая достоверность достигается простым описанием поведения самого ученого³.

Однако при столь расплывчатом, многозначном, сложном, обширном и трудноуловимом предмете, как «трагическое», очевидно, что мы не можем ограничиться только теми методами, которые считаются самыми строгими в науке. Нам придется работать с инструментами, которые неизбежно снижают уровень возможных «научных притязаний» и которые в глазах «строго научных» исследователей могут показаться чистым обманом — или, в лучшем случае, поэтическим мечтанием. Я имею

³ Арне Нес, *Erkenntnis und wissenschaftliches Verhalten* [Знание и научное поведение], (Осло, 1936).

в виду такие методы, как обобщение, интроспекция, «сопереживание» и даже воображаемое «проживание» вместе с животными и людьми на совершенно неконтролируемой основе. Без этих вспомогательных средств мы не сможем приступить к нашему исследованию — пусть тогда говорят, что мы занимаемся вовсе не наукой.

Однако эти оговорки никоим образом не означают, что можно пренебрегать строгим самоконтролем. Восторг от того, как отдельные звенья превращаются в цельную цепь, опьянение от складывающейся системы не должно ослеплять нас настолько, чтобы мы теряли связь с самым надежным источником мысли — с опытом. Есть одно требование, от которого мы не вправе отказаться: это требование субъективной интеллектуальной честности.

§ 2. Опасения

Против избранного метода как «прикладной биологии» могут быть выдвинуты возражения с двух сторон: во-первых, со стороны биологов, считающих, что их науку используют не по назначению, и, во-вторых, со стороны философов и эстетов, которые требуют, чтобы научное мышление не вмешивалось в их область. Первую из этих претензий выражает Якоб фон Икскуль в своей работе *Bausteine zu einer biologischen Weltanschauung* (Мюнхен, 1913, с. 67). Однако наша цель — не расширять биологию в ее строгом научном смысле, а лишь рассматривать проявления органической жизни сквозь призму борьбы интересов. Точно так же мы не намерены навязывать теории литературы естественнонаучную терминологию или ограничивать воображение рамками биологического догматизма. Наш метод не вторгается глубже, чем человек, разбирающий старый чердак: он просто расставляет коробки

с надписями «искусство» и «литература» на определенные места, не принимая решения о содержимом этих коробок.

Необходимость специализации неизбежно порождает подобные возражения. Со временем объем знаний в каждой отдельной дисциплине вырос настолько, а методы и актуальные проблемы стали столь специфичными, что любая попытка объединить результаты исследований рискует показаться дилетантской. Именно поэтому «полигистор» — ученый широкого профиля — становится все более редким явлением, представителем уходящего типа культуры. Если он еще встречается, то скитается от одного закрытого университетского факультета к другому, где его либо отвергают как постороннего, либо принимают со снисходительной улыбкой: «Величайший биолог среди эстетов и величайший эстет среди биологов».

И все же, возможно, он всего лишь честный труженик в винограднике непознанного, человек с богатым воображением и широким взглядом, чей единственный «недостаток» — нежелание ограничиваться простым накоплением данных, стремление синтезировать знания, зажигать искры, перенося их из одного резерва научной энергии в другой, используя плоды кропотливого труда для того, чтобы нарисовать целостную картину человеческого бытия. Быть может, перед ним предстает подлинная цель науки — пролить свет на единственный насущный и вечно волнующий вопрос: что значит быть человеком? И если ни одна отдельная дисциплина не может дать ответа, то настает черед «хорошего дилетанта».

В качестве оправдания моего собственного опыта в области полигисторских исследований данный взгляд, конечно, не слишком удачно выбран. Стоя перед наметенным планом работы, я не могу не ощущать с болезненной ясностью всю скудость своих знаний. Чтобы чувствовать себя хотя бы отчасти готовым к такой задаче,

чтобы, насколько это вообще возможно в пределах одной жизни, обрести необходимые условия для ее решения, следовало бы в совершенстве владеть предметной областью, методологией и господствующими точками зрения в целом ряде дисциплин: философии, биологии, социологии, истории религии, искусства, общей культуры и литературы, эстетики в самом широком смысле, психологии, педагогики, психиатрии и психоанализа — и это лишь основные из них.

Помимо этого необходимо было бы досконально изучить трагические произведения, их процесс создания, а также самому прожить богатую и насыщенную жизнь, иметь опасных врагов и значительных друзей, познать предательство и верность, испытать личные и любовные отношения с различными женщинами, быть свободным и связанным, пережить собственные падения со жгучим стыдом и выстоять перед незаслуженными ударами судьбы с горьким чувством несправедливости, бороться за существование на исходе сил, испытывать паническую потребность в частичном или всеобъемлющем признании, знать ликование триумфа, быть закаленным в экстазе героизма, парализованным страхом, истерзанным моральными конфликтами, собирать плоды познания со зрелым рассудком и обостренной чувствительностью, проходить через периоды депрессии и экзистенциальной тревоги, а также пережить череду значительных кризисов и душевных потрясений. Лишь тогда можно было бы рассчитывать на то, что в душе возникнут те самые резонансные камеры, которые требует этот материал.

Сравнение этих, пусть и идеальных, предпосылок с тем, что я могу признать своими квалификациями, неизбежно приводит к удручающему выводу. Однако, несмотря на полное осознание этого досадного обстоятельства, я все же взялся за работу, исходя из того, что не все

может ждать. Если бы каждый откладывал свою работу до момента полной уверенности в собственной компетентности, многие пути так и остались бы неизведанными. К тому же эта тема уже давно занимает меня, и чем больше я знакомился с существующей литературой по этому вопросу, тем сильнее становилось желание попробовать иной подход, особенно учитывая, что в Норвегии это захватывающее явление никогда не подвергалось детальному рассмотрению.

Тем не менее выбранный метод настолько слабо укоренен в традиции, что я счел необходимым в этом предисловии изложить сомнения, которые возникли у меня в начале работы.